

Т.А. ЖУРАВЛЕВА*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ГОРОДА: КРИЗИС ВИДЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы определения стратегического видения развития современных городов через призму дискурса публичной политики. Автором добавляется также рамка пространственного развития города и его социально-экономического контекста, которые на текущий момент редко синхронизированы при проработке документов стратегического планирования. Автор подчеркивает необходимость более фундаментального изучения классических теорий стратегирования и преломления их к определению будущего городов. Важной составляющей является иной подход к классификации территорий с учетом практической значимости преломления фундаментальных концепций общественного договора и стратегий вовлечения ключевых стейкхолдеров в развитие территорий.

В статье поднимается проблема определения субъектов стратегического процесса, а также приводятся три модели вовлечения различных заинтересованных акторов в процесс определения видения развития города с оценкой влияния каждого из участников на финальный результат. Переход от городской экономики индустриального типа к современной накладывает ряд обязательств также и на прорабатываемые пространственные решения в рамках обеспечения нового качества жизни в городах и максимально эффективного удовлетворения запросов горожан. Для реализации данной задачи автором приводится трехкомпонентная структура Стратегического плана развития города, состоящая из трех синхронно-последовательных компонент: комплексный анализ, общественный план развития города и инфраструктурно-сервисная модель развития города. В статье рассматривается кейс малого города Старая Русса (Новгородская область) в рамках успешной организации взаимодействия различных внутренних акторов и ключевых

* Журавлева Татьяна Андреевна, кандидат политических наук, ассистент кафедры политического анализа, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: Zhuravlevatati@gmail.com

стейкхолдеров при формировании стратегического видения и магистральных направлений развития территории.

Ключевые слова: политика; политическая наука; городское развитие; соучаствующее проектирование; социально-экономическая стратегия; сообщества.

Для цитирования: Журавлева Т.А. Политическая стратегии развития города: кризис видения // Политическая наука. – 2022. – № 3. – С. 164–180. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.03.08>

Публичная стратегия развития города традиционно считается некоторой демонстрацией консенсуса власти, бизнеса и граждан относительно организации и принятия решений в ближайшем будущем. Договоренности фиксируются как в социально-экономической плоскости при разработке стратегий социально-экономического развития, так и в пространственном разрезе в виде набора градостроительных документов, начиная от генерального плана и мастер-плана города и заканчивая правилами застройки и даже благоустройства. Комбинация стратегических ориентиров, закладываемых в основу данных документов, по сути показывает также некоторый набор действий и приемов, в том числе и политического характера, направленных на решение актуальных политических проблем и задач.

Концептуальное исследование стратегического моделирования развития территорий призвано оценить влияние социокультурных, политических, экономических, исторических и иных факторов поведения субъектов политического пространства для конструирования форматов трансформации институционального, инфраструктурного и коммуникативного пространств в рамках дискурса публичной политики.

При рассмотрении феномена стратегического развития в политическом пространстве с позиций стратегического менеджмента все более заметно, что линейные парадигмы разработки стратегий уходят на второй план и все чаще включаются механизмы матричных синхронных и синхронно-последовательных элементов планирования [Томпсон, Стрикленд, 2004]. Применительно к стратегированию городских и агломерационных пространств реальная практика усиливает необходимость применения не только сложных комбинаций планирования, но и погружения как минимум на три уровня: политический, социально-экономический и пространственный. При этом, если второй и третий уровни находят свое отражение в современном экономическом и градостроительном

законодательстве, то уровень определения политической стратегии, по сути, самого концептуального блока, призванного сформировать консенсус по поводу магистральных направлений развития, остается вне рамок даже методологического определения.

С момента принятия федерального закона о стратегическом планировании в 2014 г. наблюдается все нарастающая формализация стратегического видения развития городов и значительный крен в сторону решения актуальных сиюминутных задач или жесткой привязки к федеральным проектам и соответствующему финансированию. При этом очевидно, что федеральные инициативы сфокусированы сегодня на развитии примерно 40 агломераций, или около 100 крупнейших городов.

85% городов страны (950 городов из 1117) не имеют ни федерального, ни регионального, ни локального видения будущего направления развития. Эти города как бы замерли в индустриальном XX в. и продолжают сохранять наследие советского экономико-географического подхода, концентрирующего в себе две концепции: перераспределение основных социально-экономических ресурсов страны вокруг крупных агломераций, административных центров и транспортных магистралей; развитие сети малых и средних городов индустриального типа, зачастую отдаленных, для добычи ресурсов, промышленного производства и науки.

При этом три четверти малых и средних индустриальных городов создавались для задач плановой экономики. С переходом в новые экономические условия в большинстве этих городов продолжают нарастать признаки кризиса: отток населения (по данным Росстата России, увеличился до 10% за последние десять лет), низкий уровень диверсификации экономики и развития малого и среднего предпринимательства, низкие по сравнению со столичными городами уровень жизни и качество городской среды (согласно Индексу качества городской среды Минстроя России, более 75% городов являются городами с неблагоприятной городской средой), повышенные показатели экологического загрязнения и т.д.

Экономические и социальные показатели развития большей части городов не только подтверждают тезис о формализации процесса стратегирования в управленческом ключе, о перераспределении внимания системы государственного управления на решение актуальных социальных и инфраструктурных проблем, но и усиливают представление о том, что нарастающий городской кри-

зис требует иных подходов к пониманию будущего большей части городов страны.

Представляется, что недостаточная теоретико-методологическая проработка проблемы стратегирования – как политического, социально-экономического, так и пространственного – обуславливает тот факт, что несмотря на понимание объективной необходимости постановки долгосрочных целей развития городов и на инициализацию стратегических инициатив на общегосударственном уровне в политике, к сожалению, общий кризисный контекст, механизмы реализации и ресурсы, направляемые на воплощение тех или иных долгосрочных проектов, оказываются безвозвратно утраченными в ходе постоянного изменения условий реализации изначально заявляемых целей [Алейников, 2015].

Согласно общей методологии стратегирования как междисциплинарной отрасли знаний В.Л. Квинта [Квинт, 2020], в основании стратегического процесса лежит осознание интересов и ценностей объекта стратегирования. Следующим этапом стоит выделение и формулировка обоснованных приоритетов, которые способствуют развитию реальных и потенциальных преимуществ объекта стратегирования. Выделенные приоритеты достигаются посредством оптимального использования имеющихся ограниченных ресурсов. Общая рамка стратегирования усложняется, как говорилось выше, необходимостью комбинации политических, социально-экономических и пространственных приоритетов на различных уровнях в синхронно-последовательном формате.

Тем не менее представляется, что первый шаг в определении магистральных направлений политического, социально-экономического и пространственного развития города как объекта стратегирования в условиях публичной политики является наиболее сложным шагом, по сути, шагом выработки некоторого прототипа общественного договора, предполагающего механизмы обсуждения и определения консенсуса между неопределенным кругом лиц.

И здесь возникает первый кризис стратегирования – кризис видения будущего. В парадигме XX в. ответ на данный вопрос был довольно очевиден и предусматривал, в большей степени, оценку экономической составляющей, причем с точки зрения индустриального подхода распределения ресурсов по стране в рамках формирования производственных цепочек. Однако в современном ми-

ре подобная логика не может быть взята в качестве единственного базиса и точки отсчета.

Второй краеугольный вопрос на данном этапе – это вопрос субъектности: кто, как, в каком порядке и с какой степенью влияния на финальное решение включается в процесс разработки стратегии. И если в относительно открытых политических системах с высокой степенью публичности процесс определения круга лиц и форм их участия установлен, то в рамках концептуального рассмотрения реальных процессов разработки в условиях преобладания латентных структур и институций [Соловьев, Миллер, 2017] вопрос требует отдельного системного изучения.

Теоретическому осмыслению проблемы общественного договора посвящены работы представителей различных научных областей – Дж. Бьюкенена, Дж. Ролза, Ю. Хабермаса, а также труды Д. Готье и Ф. Петтит. Сущность общественного договора заключается в представлении о том, что существует некоторый набор идентифицированных политических, социально-экономических и правовых обязательств между гражданами, являющихся следствием базового (естественного для данной территории) социального соглашения, имеющего целью создание целостного общества, устойчивого объединения на основе как совпадающих, так и конкурирующих интересов.

Дискурс общественного договора, к которому обращаются современные публицисты, сторонники и противники данной концепции, основывается именно на классических представлениях Т. Гоббса, Дж. Локка и Ж.Ж. Руссо [Субботин, 2010], которые в значительной степени устарели и не дают ответов на вызовы современности.

Современные исследователи все чаще пишут о том, что начальная идея общественного договора превратилась в некий «пакт», представляющий собой обмен иллюзорной безопасности и экономического благополучия на практически ничем не ограниченные полномочия политических лидеров в определении степени свободы людей. При этом основным механизмом осуществления общественного договора является табуирование. Наложение запретов и ограничений обосновывается некоторой необходимостью сохранения стабильности и общего благополучия [Шапиро, 2005].

В последние десятилетия также набирает силу новый формат общественных договоров – «соглашения об общественной пользе» (Community benefits agreements, CBA). Они формируются между муниципалитетом, бизнесом (как правило, застройщиком) и локальным сообществом жителей и оговаривают различные дополнительные выгоды, которые горожане получают от строительства инфраструктуры. В отличие от документов стратегического порядка, эти соглашения рассчитаны также на длинные инвестиционные циклы и являются юридически обязательными, чем снижают риски возникновения социальных конфликтов. Одним из первых проектов реализации соглашения об общественной пользе стал проект развития спортивной арены Staples Center, где базируется баскетбольная команда «Лос-Анджелес Лейкерс». Местное сообщество горожан включилось в процесс обсуждения застройки данной территории, сформировало коалицию из 30 организаций, двух профсоюзов и обычных граждан, проживающих на данной территории, и создало пакет соглашений с застройщиком арены и муниципалитетом о выделении дополнительно 1 млн долларов на создание общедоступных парков в радиусе одной мили от зоны строительства, а также об открытии территории стадиона для всех желающих. Важной частью соглашения стало также предоставление местным жителям рабочих мест с оплатой выше прожиточного минимума и разрешения на парковку, а также передача 20% построенных квартир в аренду по программе доступного жилья. Таким образом стандартный девелоперский проект, включающий гостиницу, театр, жилой комплекс, пространства для развлечений и ресторанов премиум-сегмента, привел к реконструкции инфраструктуры большей территории муниципалитета и значительному повышению качества жизни рядовых граждан (Los Angeles Sports and Entertainment District (LASED)).

Смена технологической парадигмы, все более и более повышающая интенсивность информационно-коммуникационных процессов, а также нарастающие дезинтегрирующие тенденции на фоне усложнения процедуры легитимации текущего порядка уже сейчас приводят к началу формирования нового общественного договора, пока с неизвестными базовыми переменными, но с очевидным запросом. В этом смысле создается некоторое представление о возможном переосмыслении общественного договора в ближайшем будущем в русле теории творческого разрушения

(creative destruction) [Шумпетер, 1995], смысл которой состоит в том, что нечто принципиально новое происходит крайне редко, и обычно – в развитии технологий.

Современный же российский публичный политический процесс пока далек от постулируемого теоретиками Нового времени и эпохи Просвещения права граждан принимать решения в ходе свободного обсуждения, он ближе к концепции «пакта». Модерация вовлечения различных субъектов в процесс обсуждения проблем и задач базируется больше на принципах табуирования, нежели на определении общих правил взаимодействия сторон, участвующих в дискуссии. Главная проблема парламентской демократии обнаруживает себя практически сразу в противоречии между постулируемым и воплощаемым в действительности постоянно повторяющимся «вертикальным контрактом» [Мартынюк, 2005].

При выработке стратегических направлений развития городов важно понимать, что определение магистральных направлений развития диалога во многом определяется не столько количеством проживающего населения – так называемым «подушевым» принципом, который заложен в качестве одного из ключевых в рамках современной российской бюджетной политики, сколько социально-экономическими параметрами, оценкой экономического потенциала в условиях вновь формирующихся производственных цепочек и особенностями географического расположения того или иного города.

На текущий момент 1117 российских городов можно разделить на следующие укрупненные группы.

Около 100 крупнейших городов, являющихся региональными центрами и центрами агломераций (Екатеринбург, Томск, Кемерово и др.), имеют относительно диверсифицированную экономику, небольшой приток населения и некоторое представление о развитии на ближайшие несколько лет.

Примерно 546 городов, независимо от численности населения, но преимущественно большие (до 250 тыс. человек) и малые (до 100–150 тыс. человек) города (Комсомольск-на-Амуре, Тын-да, Свободный, Балаково, Волгодонск, Сургут и т.д.), переживают наследие индустриального XX в., и последние 15–20 лет пытаются прийти к диверсификации экономики, находясь в жесткой конкуренции с первой группой, в первую очередь за

человеческие ресурсы. Актуальная потребность данных городов – в развитии функциональных, технологических и социальных связей между городами, а также улучшении условий проживания для сохранения и развития имеющегося потенциала (см. рис. 1).

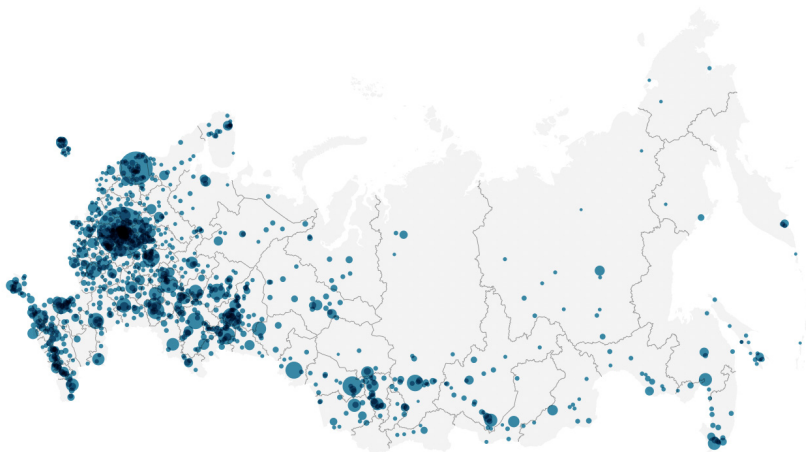

Рис. 1.

546 индустриальных городов с населением 24,2 млн человек и качеством городской среды на 20% ниже среднероссийского

При этом каждый четвертый индустриальный город (примерно 149) является городом с научно-технологическим потенциалом, сохраняя научную базу для фундаментальных исследований и по-прежнему обеспечивая около 70% патентов страны, что выводит данный тип городов в особую подгруппу (см. рис. 2). Это, как правило, города с локализацией крупных коммерческих и государственных корпораций (ГК «Росатом», ГК «Ростех», «Северсталь» и т.д.).

Рис. 2.
149 индустриальных городов с высоким научно-технологическим потенциалом

В наиболее тяжелом положении находятся малые и средние города, а также исторические поселения с наиболее активным оттоком населения (более 20% за последние десять лет), без конкретной специализации, ветшающей инфраструктурой и разрушающимися объектами исторического наследия (Россошь, Бор, Сысерть, Канаш, Кандалакша и др.). Данная группа городов не только попадает в клинч охранных норм исторических памятников и отсутствия ресурсов для их реконструкции, но в целом находится в кризисе понимания стратегии развития на ближайшую перспективу и формирования каких-либо иных стратегических ставок, кроме туристических.

Исследования 2019–2020 гг. показали, что в стране существует около 40 городов с особенно высоким вкладом креативной экономики в валовый продукт – предприятий, производящих интеллектуальную и творческую продукцию с высокой добавленной стоимостью (кинематограф, музыка, дизайн, программирование и т.п.). Данные отрасли в большинстве стран растут быстрее остальных и имеют высокий потенциал развития в России, особенно на базе выключенной из экономического оборота инфраструктуры городов (см. рис. 3).

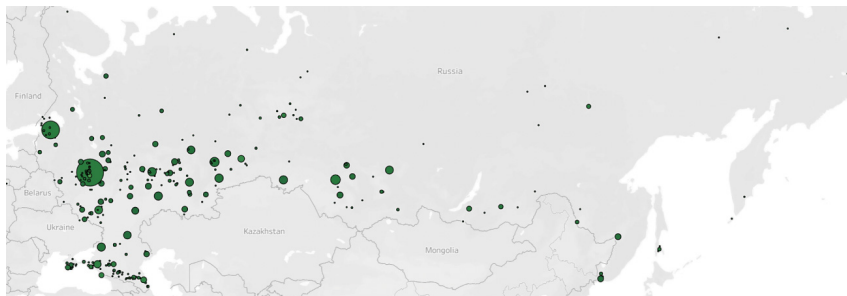

Рис. 3.
40 городов с потенциалом развития креативной экономики

Группу дальневосточных городов, учитывая их географическое расположение и низкие параметры социально-экономического развития территорий, стоит рассматривать отдельно (см. рис. 4).

Рис. 4.
69 городов Дальнего Востока с населением 5,1 млн человек и неблагоприятным качеством городской среды в 80% городов

Подобное условное разделение городов позволяет нам сформулировать несколько ключевых позиций относительно методологии определения их развития в политическом, социально-экономическом и пространственном аспектах.

Во-первых, сегодня ключ к развитию городов – это не строительство квадратных метров, а удовлетворение потребностей жителей, например за счет развития сервисов и «донастройки» существующей инфраструктуры. Новый подход к развитию – инфраструктурно-сервисный, предполагающий максимальное удовлетворение потребностей и запросов человека, а также создающий условия для работы и жизни. Новый подход выражается в разработке Стратегического плана развития города – нового консенсуса городского развития, являющегося комплексным документом, учитывающим как социально-экономический анализ потенциалов развития, так и позицию граждан по всем ключевым и принципиальным вопросам и политические приоритеты.

Стратегический план развития города может состоять из трех синхронно-последовательных компонент:

комплексный анализ – выявление факторов городского управления и экономики предприятий, улучшение которых позволит существенно повысить качество жизни горожан, привлекательность города для инвестиций, открытость для ведения предпринимательской деятельности, политические и геополитические задачи. На основе комплексного анализа формируется стратегический план развития города, содержащий в себе инфраструктурно-сервисную модель и общественный план развития города;

инфраструктурно-сервисная модель – это план развития городских сервисов и инфраструктуры, который фокусируется на удовлетворении потребностей и запросов граждан в рамках текущего бюджетного финансирования и кадрового обеспечения. Цель – обеспечение роста качества жизни в городах с помощью городских сервисов и инфраструктуры для оптимального удовлетворения потребностей жителей. Инфраструктура, физические объекты и городские пространства в нем играют роль способа реализации потребностей жителей, т.е. являются инструментами достижения цели, а не самой целью. Зачастую сервисы способны удовлетворить запросы жителей быстрее и дешевле, чем физические объекты. Сервисы и функции не обязательно заменяют инфраструктуру, но всегда способны дополнить ее. Например, чтобы повысить дос-

тупность первичной медицинской помощи, не всегда эффективно строить новую поликлинику – вместо этого, возможно, эффективнее будет потратить ресурсы на развитие службы мобильных фельдшерско-акушерских пунктов;

общественный план развития города – документ, отображающий видение позиции и жителей, и ключевых стейкхолдеров населенного пункта по вопросам местного пространственного развития. Главный инструмент составления общественного плана – вовлечение жителей в обсуждение вопросов местного пространственного развития путем проведения установочных сессий, форсайтов, общественных обсуждений и других мероприятий, способствующих консолидированному сбору мнений населения и других ключевых стейкхолдеров территории. Общественный план развития города является ориентиром при разработке или корректировке существующих документов городского развития, он выполняет задачи консолидации интересов местных сообществ, изучения запросов и предложений городских сообществ и возможных способов их удовлетворения, фиксации критических решений, способных вызвать социальный городской протест. Следует еще раз подчеркнуть, что инфраструктура, физические объекты и городские пространства играют роль способа реализации потребностей жителей, т.е. являются инструментами достижения цели, а не самой целью. В рамках разработки решений рекомендуется учитывать вариативность удовлетворения запросов жителей и иных стейкхолдеров.

При разработке общественного плана важно не просто отражать результаты обсуждения с жителями, бизнесом и иными ключевыми стейкхолдерами в виде консолидации текущих запросов и интересов местных сообществ и предложений по развитию города, но также фиксировать критические решения, которые потенциально могут вызвать социальное напряжение.

Ключевые сферы для анализа запросов, оценки удовлетворенности качеством жизни и выявления предложений: работа / карьера, самореализация, социализация, потребление, отдых / досуг / развлечения, спорт, образование, здравоохранение, социальная защита / обеспеченность, создание семьи (в том числе будущее для детей в данном городе), транспортная доступность, качество ЖКХ, комфортность городской среды и иные.

На каждом из этапов разработки политических и социально-экономических магистралей развития города формируется пул субъектов, вовлеченных в процесс. Тип и качество, а также порядок вовлеченности играют решающую роль в определении итогового результата. В российской практике сложились различные модели взаимодействия применительно к разным типам городов.

В частности, в первой группе крупнейших городов чаще всего ключевую роль играет не столько муниципальная, сколько региональная власть, обозначающая экономическую и политическую значимость регионального центра для субъекта в целом. Зачастую при этом роль формирования общественного плана сводится либо к формальным процедурам, либо к частичному и точечному подключению к процессам вовлечения граждан при разработке отдельных проектов благоустройства за счет привлечения внешних консультантов. Отсутствие действенных механизмов медиации большого количества зачастую полярных мнений на довольно обширной территории представляет собой все нарастающую как практическую, так и методологическую проблему.

В рамках второй группы городов – городов индустриального типа – значительную роль играет формат взаимодействия крупного бизнеса и государства при формировании стратегий и проектов городского развития. Субъекты модели – муниципалитет, регион, градообразующее предприятие, граждане, значительная доля которых является сотрудниками предприятия.

Механизм работы модели часто базируется на возврате части налоговых поступлений от деятельности предприятия в бюджет муниципалитета из регионального бюджета (налог на прибыль) для реализации проектов городского развития и / или строительства социальной инфраструктуры.

Устойчивость подобной модели стратегирования обеспечивается упорядоченными отношениями в виде подписанного трехстороннего соглашения (муниципалитет – регион – предприятие) на определенный период с указанием объектов социальной и городской инфраструктуры, а также порядка финансирования их строительства и эксплуатации.

Роль общественного плана, т.е. вовлечения жителей, здесь часто обусловлена лояльностью к работодателю, поэтому говорить о полноценной общественной экспертизе и совершенно независимом участнике данного общественного договора не приходится.

Третья группа городов – малые города, где ситуация совершенно полярна двум предыдущим. Модель стратегирования на подобных малых территориях представляет набор инструментов по объединению и участию горожан в стратегическом комитете города низового уровня (*grassroots movement*) с целью маркетинга, мастер-планирования и разработки продуктовых стратегий целевых городских территорий.

Объединение горожан на подобных территориях может носить как статус неформальной организации, так и независимой некоммерческой организации. Модель взаимодействия носит исключительно горизонтальный характер.

Рассмотрим одну успешную практику для группы малых городов как возможный для дальнейшего тиражирования на иные группы (в первую очередь для городов индустриального типа).

Например, в рамках подобной модели стратегирования представители неформального городского сообщества «Совет горожан Старой Руссы» выступили в роли ключевого заказчика разработки территориального продукта под брендом «Город Достоевского» к официальному дню празднования 200-летия писателя в Старой Руссе.

На первоначальном этапе активисты Совета горожан разработали базовую стратегию маркетинга Старой Руссы, где наследие и творческий мир Федора Достоевского являлись ключевыми драйверами городского развития и основой для создания территориальных продуктов. В рамках данной стратегии представителями Совета горожан, совместно с экспертами в области городского развития и урбанистики, были проведены маркетинговые и нативные исследования городской среды, разработана платформа бренда «Город Достоевского», а также организовано соучаствующее проектирование одноименного туристского маршрута с привлечением горожан и ключевых стейкхолдеров города.

На следующем этапе команда проекта смогла разработать:

- бизнес-модель и стратегию маркетинга территориального продукта;
- техническое задание на разработку дизайн-кода ключевых сервисных локаций территориального продукта;
- техническое задание на разработку мастер-плана целевых территорий, входящих в территориальный продукт;

- заявку на финансирование разработок согласно техническим заданиям (ВЭБ.РФ – Государственная корпорация развития России, Фонд президентских грантов, Международный банк БРИКС, Минстрой РФ и др.);

- минимально жизнеспособный территориальный продукт и минимально жизнеспособную экосистему территориального продукта с их тестированием в условиях реального потребления.

Также команда проекта осуществляла авторский надзор в процессе мастер-планирования и разработки дизайн-кода территориального продукта «Город Достоевского» после выделения финансирования со стороны ВЭБ. РФ.

Модель продемонстрировала свою устойчивость, в том числе при подготовке к празднованию юбилея Ф. Достоевского в 2021 г. В настоящий момент бренд «Город Достоевского» развивается согласно стратегии, дорожной карте и другим документам, разработанным в рамках проекта.

Минусом реализации данной модели является очевидная потребность жителей решить сиюминутные проблемы здесь и сейчас, что приводит к разработке не столько стратегического видения развития города, сколько к набору тактических действий, пусть и пролонгированных во времени.

Таким образом, три сформировавшиеся на практике модели определения стратегического видения развития городов на данный момент находятся в сложной методологической парадигме жонглирования между различными компонентами стратегирования и сложной синхронизацией политических, социально-экономических и тем более пространственных стратегий развития городов.

Вместе с тем очевидно, что корректно сформулированное видение в XXI в. должно быть максимально сконцентрировано на возможностях, а не на задачах и проблемах, что характерно для XX столетия. Выработка новых методологических подходов к формированию политического, социально-экономического видения развития города должна включать не просто комплекс стратегических решений, оказывающих влияние на перспективные атрибуты публичных политических стратегий, но и спектр тактических действий в рамках ограниченных ресурсов, которые путем синтеза обеспечивают мгновенное реагирование на внешние вызовы и способствуют реализации позитивных политических сценариев для конкретного города и страны в целом.

T.A. Zhuravleva*

Political strategies of urban development: the crisis of vision

Abstract. The article deals with the problems of determining the strategic vision of the development of modern cities through the prism of public policy discourse. The author also adds a framework for the spatial development of the city and its socio-economic context, which now are rarely synchronized when working out strategic planning documents. The author emphasizes the need for a more fundamental study of the classical theories of strategizing and their refraction to determine the future of cities. An important component is a different approach to the classification of territories, considering the practical significance of the refraction of fundamental concepts of the social contract and strategies for involving key stakeholders in the development of territories.

The article raises the problem of determining the subjects of the strategic process and provides three models for involving various interested actors in the process of determining the vision of the development of the city with an assessment of the impact of each of the participants on the result. The transition from an industrial-type urban economy to a modern one imposes several obligations on the spatial solutions being worked out as part of ensuring a new quality of life in cities and meeting the needs of citizens as efficiently as possible. To implement this task, the author provides a three-component structure of the Strategic Plan for the development of the city, consisting of three synchronously sequential components: a comprehensive analysis, a public plan for the development of the city and an infrastructure and service model of the development of the city. The article examines the case of the small town of Staraya Rusa (Novgorod region) in the framework of the successful organization of interaction between various internal actors and key stakeholders in the formation of a strategic vision and the main directions of the development of the territory.

Keywords: politics; political science; urban development; participatory design; socio-economic strategy; communities.

For citation: Zhuravleva T.A. Political strategies of urban development: the crisis of vision. *Political science (RU)*. 2022, N 3, P. 164–180. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.03.08>

References

- Aleynikov A.V., Maltseva D.A. Strategic models in politics: basic properties and conditions of universality. *Theory and practice of social development*. 2015, N 6, P. 98–101. (In Russ.)
- Kvint V.L. *To the origins of the theory of strategy. 200-th anniversary of the theoretical work of General Jomini*. Saint Petersburg, 2017, 52 p. (In Russ.)

* **Zhuravleva Tatiana**, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), e-mail: Zhuravlevatati@gmail.com

- Martyniuk A.P. The role of the vertical contract in the formation of the Russian model of the relationship between the state and society. *Problem analysis and state-management*. 2010, Vol. 3, N 5, P. 25–31. (In Russ.)
- Solovyov A.I., Miller T.V. Latent policy area: an attempt at theoretical identification. *Public administration. E-journal*. 2017, N 63, P. 212–232. (In Russ.)
- Subbotin A.L. Social contract. In: Styopin V.S. (ed.). *New philosophical encyclopedia*. Moscow: Mysl, 2010, P. 2816. (In Russ.)
- Shapiro I. *The moral foundations of politics*. Moscow: KDU, 2004, 304 p. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Алейников А.В. Мальцева Д.А. Политические стратегические модели: основные свойства и условия универсальности // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 6. – С. 98–101.
- Квинт В.Л. К истокам теории стратегии. 200-летие теоретической работы генерала Жомини. – СПб.: ИПЦ СЗИУ – фил. РАНХиГС, 2017. – 52 с.
- Мартынюк А.П. Роль вертикального контракта в формировании российской модели взаимоотношений государства и общества // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2010. – Т. 3, № 5. – С. 25–31.
- Соловьев А.И., Миллер Т.В. Латентная сфера политики: версия теоретической идентификации // Государственное управление. Электронный вестник. – 2017. – № 63. – С. 212–232.
- Субботин А.Л. Договор общественный // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / пред. науч.-ред. совета В.С. Стёпин. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Мысль, 2010. – С. 2816.
- Шapiro И. Моральные основания политики. – М.: КДУ, 2004. – 304 с.
- Томпсон-мл. А. и Стрикленд А.Дж. III. Стратегический менеджмент. Концепции и ситуации для анализа. – Вильямс, 2007. – 578 с.
- Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия: пер. с англ. / предисл. и общ. ред. В.С. Автономова. – М.: Экономика, 1995. – 540 с.